

Что сказал Путин миру.

Выступления политических лидеров – весьма специфический источник. Выступления российских политических лидеров – специфичней вдвойне. Когда-то, в самом начале «нулевых» я внимательно анализировал каждое публичное высказывание тогдашнего Президента, выискивая в его словах какие-то смыслы и намеки на его политические пристрастия (Who is Mr Putin?) и намерения. Тогда это было небесполезным занятием, Путин не сразу стал Путиным, он очевидно менялся сам, менялось его окружение, менялись его планы, менялась страна. И вся эта динамика изменения довольно отчетливо просматривалась в выступлениях лидера государства. Это интереснейшая тема, но здесь я не буду об этом писать, надеюсь представится возможность высказаться об этом позже.

Отмечу, что примерно начиная с 2006-2007 годов выступления Путина перестали нести в себе оттенок чего-то важного, интересного, утратили всякую неожиданность, поисковый характер, если хотите, и превратились в достаточно ожидаемый набор предложений, направленный на одну и только одну цель – быть Президентом, который уже все знает, все изведает, и всегда прав.

Некоторое оживление в это закоснение внес молодой соратник Владимира Владимировича. Однако, огромное количество его речей, утопило в словах любые попытки что-то понять. Одна история со статьей «Россия, вперед» чего стоит. Перестав внимательно следить за речами наших лидеров где-то с 2008-го года, я не слишком много потерял в понимании происходящего, так как эти речи все меньше и меньше стали соприкасаться с реальностью. Конечно, в каком-то смысле это было характерно для выступлений Путина всегда, но размеры данных разрывов сильно увеличились с конца 1999-го года.

Иными словами, исследователь, изучающий выступления Путина в конце «нулевых» годов, изучает не столько ситуацию в стране, сколько то, что хотел бы Путин представить в качестве ситуации в стране, причем фрагментарность изложения, умалчивание важных тем и прямое искажение фактуры делали данные тексты почти бесполезными даже для этого, так как становилось ясно, что и сам Путин далеко так не считает.

Тем не менее, иногда, для проверки, необходимо прибегать к подобным инструментам, чтобы без систематического изучения, разово, как бы при помощи специфического шурфа проверить состояние объекта, сверить ощущения, посмотреть, не изменилось ли что по сравнению с последними замерами.

Вот таким примерно шурфом мной было избрано выступление Президента России на Петербургском экономическом форуме в июне 2012 года.

По сути, это выступление было первым публичным выступлением нового Президента перед российским и мировым экономическим истеблишментом (при всей гипертрофированности такой формулировки). Тем не менее – это была речь, в которой Путин должен был продемонстрировать не только лучшие характеристики российской экономики, но и показать, что он видит и проблемы, какие проблемы он видит, как их будут решать в России, презентовать выгодные для иностранных инвесторов черты не только экономического, но и политического развития страны.

([Стенограмма выступления Президента есть](#) , есть и [видеозапись](#) .)

Путин, надо сказать, выступал не слишком уверенно. Не так вальяжно как обычно, много подглядывал в письменный текст, но часто оговаривался, делал большие паузы, ошибался интонационно.

Я бы выделил в речи Путина три важных момента.

Первое. Это упорное желание российских руководителей давать рекомендации всему миру по финансовым вопросам. Помнится, еще в самом начале финансового кризиса с предложениями по переустройству всей мировой финансовой системы выступил Президент Медведев. Реакция, мягко говоря, была сдержанной. Потом он еще не раз говорил об этом, но такой софт-игнор продолжался. Теперь в эту игру с той же песней вступил Путин. При этом - основные контуры новой финансовой модели крайне туманны. Ясным остается только желание России в лице его руководства иметь большее влияние на мировые финансы. И это смотрится изнутри России вполне нормально, но, полагаю, извне, из мировых финансовых центров - странновато.

Сконцентрированные сегодня в руках российского государства финансы имеют вполне определенное и ясное происхождение - это в основном доходы от природной ренты и недоданное в виде зарплат и пенсий гражданам. Но это не самое главное (капиталу всегда было наплевать на происхождение денег!) – важно, что размеры этого финансового кошелька по мировым меркам не так уж и велики, это раз, а во вторых – сам этот финансовый кошелек крайне ненадежен, его наполненность завтра – под большим вопросом. В данном контексте это означает, что в акционерном обществе «Весь Мир» мы – миноритарии, имеющие определенные акции, которых явно недостаточно для участия в управлении компанией, и, более того, есть тенденция, что даже эти акции мы можем легко и быстро растерять.

Именно это, кстати, и заставляет российское руководство активно конвертировать не слишком ценящуюся в мире российскую финансовую мощь в другую сферу – в сферу военную. Потому что все остальные пути хоть как-то оставаться влиятельным государством – оказались пока для нас невозможными.

Итак, сказанные на Форуме обязательные слова Путина о будущей роли России в становлении новой архитектуры финансового мира необходимо жестко сопоставить с принятием программы перевооружения российской армии ценой более чем в 20 трлн рублей. И выбор России будет понятен.

Второе. Путин широкими мазками рисует картину благоприятного экономического развития России.

Это экономическое благополучие складывается, по мнению, Путина из макроэкономической стабильности, понимаемой Путиным как сочетание низкой официальной инфляции, сбалансированного государственного долга России и бездефицитного бюджета.

И это все, хотя бы на уровне показателей, у России действительно есть. Однако сам же Путин не может не сказать и о проблемах, и то, как он это говорит, и о чем он говорит, заставляет задуматься о ценности перечисленных им признаков стабильности.

Итак, Путин прямо заявляет о десятилетиями не решаемых проблемах: экономика всё ещё не диверсифицирована, значительная часть добавленной стоимости создаётся в сырьевых секторах экономики, велика доля неконкурентных старых производств, сохраняется высокий уровень зависимости России от цен на нефть.

Иными словами, только что нарисованная экономически благоприятная ситуация, при рассмотрении ее основы, вовсе не кажется ни стабильной, ни столь благоприятной, а представляется просто удачно ситуативно отрегулированной моделью, причем пока не очень понятно за чей счет и за какую цену сие благополучие снизошло на столь отсталую экономическую модель. А сам Путин об этом благоразумно умалчивает.

Рецепт спасения, высказанный Путиным известен и прост (ему уже не один десяток лет!): «Нам нужно понизить опасно высокую планку ненефтегазового дефицита. ...Это, как я сказал на форуме «двадцатки», в известной степени ахиллесова пята нашей экономики. В эпоху высокой глобальной волатильности такая экономика очень уязвима и подвержена значительным рискам. Вот почему России необходим не просто бездефицитный бюджет, а бюджет, что называется, с запасом прочности, рассчитанный не на нефтегазовый доход. Он должен быть рассчитан на несырьевые доходы и уже во вторую очередь – на поступления от продажи углеводородов».

Но, как оказывается дальше, и этого требуется немного, только разве на словах. Потому что и в этом своем отсталом состоянии экономика России продолжает надеяться в основном только на высокие цены на нефть и, естественно, готова принимать инвестиции, много инвестиций, очень много инвестиций.

Чтобы немного сгладить испуг потенциальных инвесторов от видов архаичной экономики, Путин произносит обязательный набор фраз о свободе перетекания капиталов, о еще большей свободе предпринимательства (она у Путина измеряется

новой невиданной должностью омбудсмена по делам предпринимателей), о том, что государство будет уходить оттуда, откуда оно будет уходить, что это вовсе никакой не госкапитализм, а обычный капитализм, как у всех, и т.д..

Отметим интересный пассаж Президента о грядущей приватизации, в котором Путин старается, прежде всего, доказать, что приватизация будет честной и справедливой. И в этом стремлении как-то на второй план уходит проблема эффективности, то есть, зачем это вообще надо.

Но говорит Путин красиво: «Для нас очевидно: новая приватизация должна быть безусловно принята российским обществом, и, значит, она должна быть понятной, честной и справедливой, должна быть основана на открытой, конкурентной продаже государственных активов, причём лучшему покупателю и по реальной цене».

«Принята российским обществом» – это ведь правильно. Правда, немного смущает слова Путина, сказанные чуть выше: «Мы в России разработали целую программу масштабных преобразований, она получила широкую общественную поддержку».

То есть существует целая программа преобразований и она уже, заметьте, получила широкую общественную поддержку. Нет сомнений, что точно такую столь же широкую поддержку получают и планы Путина по приватизации.

Самое главное, что рассказывает это все Президент не столько своим гражданам, сколько потенциальным инвесторам, для которых (ах, они лицемеры!) все-таки важно, кого представляет Путин и не является ли сотрудничество с ним соучастием в ограблении российских граждан. Путин доказывает, что нет, не является, приходите и вкладывайте. Собственно, придут и вложат даже в ограбление, и с большим удовольствием, но - в рамках приличий и с хорошей миной.

Третье. Чтобы эту хорошую мину поддержать Путин кратко описывает ход демократического развития России.

Очень похоже на то, что Путину надо, сильно надо показать, как идет в России демократические процессы. Это нужно, конечно, не ему самому и не российским слушателям. Экономические связи с Россией, инвестиции в Россию, отношения с лидерами «восьмерки» требуют от Президента России, хотя бы на словах, формального движения к демократии. Путин называет это движение «национальной моделью демократии». Суть ее довольно проста.

Индифферентное и даже негативное отношение к демократическим процессам, зарождающимся и происходящим непосредственно вокруг конкретного человека маскируется 1) гипертрофированием отдельных формальных проявлений демократии на возможно более общем уровне, а также 2) использованием ярко демагогических приемов для доказательства своей приверженности демократии.

Причин перехода к такой модели, видимо, много, и вряд ли это связано только с личностями Путина и его окружения. Но, так или иначе, приходится констатировать, что более чем за 10-летний период, период надежд и разочарований, достижений и провалов мы пришли к четко формулируемой модели имитационной демократии.

Путин уверенно говорит: «Убеждён, демократическая политическая система должна гарантировать не только легитимность власти, но и уверенность людей в её справедливом характере, защитить интересы большинства. При этом интересы

меньшинства должны быть учтены и тоже разумно защищены. Действуя в этой логике, мы кардинально упростили порядок регистрации политических партий: у самых разных политических общественных сил появились возможности в правовом поле отстаивать свои взгляды и убеждения».

У непредвзятого аналитика тут же возникнет вопрос, а в какой логике тогда действовал тот же Путин десять лет назад, когда кардинально усложнял порядок регистрации политических партий? Не играет ли тут пьеса под совсем другим названием, отличным от слова «развитие демократии»? Тем более, если вспомнить весь ход, очередность становления нынешнего политического режима, то можно признать: если это и есть долгий российский путь к демократии, то начинается он с движения совсем в другую сторону. И нет никаких гарантий, что мы когда-нибудь свернем в нужном направлении.

Путин с гордостью в очередной раз делится идеей о том, что граждане России станут активными участниками законотворческого процесса, причём смогут не просто делегировать своих представителей в парламент, а сами непосредственно выступать с законодательными инициативами. Так, любая общественная инициатива, которая соберёт не менее 100 тысяч авторизованных подписей в интернете, будет обязательно вноситься на рассмотрение федерального парламента.

Сама по себе идея правильная. Но взятая формально и отдельно, без учета того, что представляет собой нынешний российский парламент, - совершенно беззубая и не меняющая ничего в политико-управленческой модели. Более того, за этой громкой инициативой мы забываем, что участие граждан в развитии страны (основной принцип демократии) начинается там, где человек живет, в местном сообществе, городе, селе, регионе. А вот там как раз участие граждан в принятии решений – минимальное. Внимание к стремлению граждан участвовать в выработке решений – минимальное, а отношение, скорее негативное. И это, к сожалению, совсем не тот случай, когда «царь» говорит правильно, а нехорошие «бояре» на местах все переиначивают. Это и есть путинская «национальная модель демократии». Которая (выскажу еще разок то, что писал еще в 2009-м году), состоит в следующем:

Во-первых, сохранение в целом сложившейся к концу 90-х годов прошлого века структуры распределения всенародной когда-то собственности. Пересмотра приватизации не будет, но ей всегда можно воспользоваться для давления на тех или иных собственников.

Во-вторых, создание технологически и политически более эффективной модели распределения доходов от продажи природных ресурсов при концентрации большей части этих доходов в руках доверенных лиц. Участие государства в крупных компаниях при разумных процессах новой приватизации должны усилить именно эту составляющую.

В-третьих, обеспечение и защита опережающего роста прибыли крупных предпринимателей, монополистов, государственных корпораций и холдингов.

В-четвертых, при соблюдении первых трех условий безусловное обеспечение минимальных социальных стандартов жизни большинства населения с тенденцией их повышения. С этим связаны градуированность, постепенность в развитии, особенно касающемся социальных вопросов, супер-инкрементальный характер изменений там, где речь идет о социальных изменениях и о повышении социальных стандартов жизни.

В-пятых, и это одно из главнейших условий выполнения всего вышеперечисленного – минимизация активного организованного и неподконтрольного власти вмешательства граждан и населения в целом в борьбу за свои интересы как на уровне предприятий, места жительства, так и на политическом уровне.

Последнее достигается а) ориентацией массового сознания на элитарное строение политического пространства и социума в целом («массы не готовы», «народ ничего не понимает и не хочет», «нужны точки роста», «авторитарная модернизация»), б) декларируемой футуральностью, то есть ориентацией на «светлое будущее» в противовес несовершенному настоящему, в) стремлением к ограничению политической конкуренции (элиминация, выдавливание конкурентов, либо с помощью административного ресурса, либо с помощью денег), в том числе и через создание «образа врага» и отвлечения внимания на общую борьбу с «врагами России».

При определенной доли цинизма даже все это можно было бы даже назвать «национальной моделью демократии». Однако динамика развития ситуации показывает, что речь, скорее всего, должна идти о национальной модели авторитаризма. Собственно это Путин миру и сказал. И мир его понял.